

С.И. Дубинин, А.Е. Тетеревенков
Самарский государственный университет

ДИНАМИКА И ЭТИМОЛОГИЯ НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

S. Dubinin, A. Teterewjonkov
Staatliche Universität Samara

DYNAMIK UND ETYMOLOGIE DER NIEDERDEUTSCHEN ENTLEHNUNGEN IN DER MODERNEN DEUTSCHEN LITERATURSPRACHE

*Im Aufsatz werden ca. 800 Lexeme niederdeutscher Herkunft im
Standarddeutschen chronologisch und etymologisch analysiert.*

Трансферт лексических единиц из лексической системы языка-источника в систему принимающего языка исторически лишь упрощенно можно мыслить как одномоментное явление. Ино-язычная лексема становится частью системы, только получив некоторое распространение в качестве принятого коммуникативным сообществом носителей языка знака, обладающего определенным содержанием в рамках данной системы. В случае актуализации заимствования на первый план выходит именно невозможность с точки зрения говорящего/пишущего заменить иноязычное слово эквивалентом, существующим в родном языке или созданным по правилам его словообразования.

Причины избирательного предпочтения иноязычной лексики различны, но наиболее очевидное основание – это изначальное отсутствие в заимствующем языке слова в связи с лакунарностью соответствующего денотата (понятия) в сфере непосредственного опыта коммуникативно-языковой общности. Столкнувшись в ходе расширения своего опыта с новыми понятиями, носители заимствующего языка часто вместе с содержанием нового для них понятия перенимают и сохраняют его форму. Склонность к упот-

реблению иноязычных слов может быть обусловлена также культурным, экономическим доминированием регионов, где распространен язык-донор, или социальным престижем дающего языка, что делает заимствования из него «модными» словами.

В социолингвистической ситуации двуязычия, однако, даже при существенном доминировании одного из идиомов, влияние редко бывает одноподнаправленным. Менее престижный контактирующий идиом становится источником лексики, которая с точки зрения членов данного коммуникативного сообщества более предпочтительна по какой-либо причине по сравнению с аналогом из престижного идиома. Такой причиной может быть подчеркивание своей региональной принадлежности («локальный патриотизм»), наличие у заимствования особого дополнительного денотативного и/или коннотативного значения по сравнению с другими имеющимися сходными по значению лексемами и др.

Лексическому заимствованию (понимаемому как включение слова в лексико-семантическую систему языка) должно предшествовать его употребление по крайней мере частью коммуникативной общности по причине престижности/моды, недостатка средств выражения, особенностей передаваемой семантики или, что распространено при языковых контактах, недостаточной коммуникативной компетенции. Такое коммуникативно обусловленное употребление детерминирует сложность точной хронологической атрибуции заимствований.

Лексическая норма современного немецкого литературного языка – это негомогенный продукт как стихийных тенденций унификации, берущих начало в позднесредневековых конкурировавших территориальных вариантах письменного-литературного языка XV–XVI вв., так и последующих целенаправленных селективных усилий нормализаторов. Лексико-семантическая система общенемецкого языка отражает результаты многовековых процессов языкового выравнивания, сочетая исконные элементы, унаследованные от дописьменной эпохи, со значительным словарным фондом, ставшим его частью вследствие как непосредственных (соседских), так и дистантных языковых контактов в результате этнокультурных, политических, экономических и других связей.

Отпечаток на лексическую систему общенационального немецкого языка наложила историческая специфика его формирования в отсутствие единственного, диктующего языковой стандарт центра. Попытки определить ареальную локализацию, единую социальную базу «непосредственной основы» современного литературного языка привели к констатации невозможности ограничения одним регионом или социальным стратом [5, с. 9–10]. В этой связи особую значимость приобрели работы, следующие концепции *полицентричности* становления немецкого литературного языка, согласно которой *a priori* все регионы немецкого языкового ареала признаются участниками формирования надрегиональной нормы [1, с. 5–11]. Часть из них (восточносредне- и восточноверхне-немецкой) явились ведущими, прочие образовали периферию процесса унификации, играя менее активную роль в складывании надрегиональной нормы.

Одним из периферийных был ареал распространения диалектов *нижне-немецкого* типа севера Германии. Частично общая ареальная база и языковой тип сближают нижне-немецкой идиом с нидерландским и с другими «североморскими» языками (фризским, английским). Но его генетическое родство со средне- и верхне-немецким в рамках западногерманской языковой общности исключало «барьер» между ними, а политико-культурное превосходство немецкого юга (особенно в периоды XII–XIII вв. и в XVI–XX вв.) определило включение северных областей Германии в общенемецкую культурно-языковую ситуацию.

Функционирование нижне-немецкого в качестве официального языка могущественного Ганзейского торгового союза в позднем Средневековье сопровождалось начальной нормализацией его письменной формы, что позволяет говорить о формировании в нижне-немецком ареале особого территориального варианта письменно-литературного языка [3, с. 5–7]. Но, несмотря на влияние южных областей на нижне-немецкой со времени его достаточно ранней переориентации на франкскую метрополию (V в.), жесткое включение нижне-немецкого в функциональную парадигму верхне-немецкого языка до ранне-нововерхне-немецкого периода неправомерно.

Изучение процесса формирования немецкого литературного языка и исследование нижне-немецкого на различных этапах его ис-

тории долгое время не пересекались. Синхроническое изучение нижненемецких диалектов и анализ исторического развития автотонного идиома северной Германии было сопряжено с преодолением комплекса их социо-культурной «ущербности» по отношению к победившему языку верхненемецкого типа. Влияние нижненемецкого на верхненемецкий хотя и было очевидным, но лишь вскользь упоминалось в работах по истории общенемецкого языка.

Динамика длительного контактного взаимодействия нижненемецкого и верхненемецкого в диахронии и его результаты в синхронном срезе на современном этапе существования общенемецкого стандарта представляют собой плодотворную основу исследования конвергентного развития двух родственных идиомов. Уникальность этой языковой ситуации заключается в ее документированности, в экстралингвистической детерминированности, в перманентном изменении социолингвистических параметров использования близко контактирующих языков на исторической оси. Хотя интерес к участию нижненемецкого как периферийного (пассивного) ареала в становлении общенационального немецкого языка очевиден, исследование данной проблематики пока ограничено частными аспектами анализа языковой системы [4, с. 4–5] или роли его отдельных субрегионов.

Атрибуция заимствований и сама ситуация «нижненемецкого» заимствования в верхненемецкий язык во многом неоднозначна. Во взаимоотношении нижненемецкого с верхненемецким престижность последнего стала одной из важнейших причин утраты Niederdeutsch некогда потенцированного статуса литературного языка. Тем не менее, в специальной литературе, в первую очередь в базовых этимологических и исторических словарях немецкого языка, обычны указания на время появления нижненемецкого слова, время заимствования и даже называются имена исторических лиц, благодаря которым то или иное слово получило распространение в общенемецком языке. Особенно это характерно для словаря Фридриха Клуге, первое издание которого вышло в 1883 г., став затем коллективным трудом под редакцией А. Гетце, В. Краузе, Г. Краз, А. Ширмера, В. Митцка и содержа в приложении „Sachverzeichnis“ традиционную колонку „Niederdeutsch“ (и как отсылки к ней „Berlin, Friesisch, Hamburg, Niederländisch, Seemännisches“).

Рассмотрение проблемы соотношения растянутого во времени процесса ассимиляции заимствований, в частности нижненемецких, с хронологической канвой требует учета многих методологических особенностей оценки истории этих близкородственных идиомов (в частности, истории отдельных слов). Этимология в данном случае опирается в анализе исходных форм и значений слов, их развития и в хронологической привязке на данные письменных источников как основной материал для исследования. Поэтому история слов (словари, научные исследования) есть, по сути, история письменной их фиксации. Конечно, это не касается восстановленных на основе закономерных формальных соответствий «праформ», которые не могли быть засвидетельствованы в письменных источниках. Вынужденная ориентация на зафиксированные памятники с необходимостью делает всякую периодизацию (в том числе лексических заимствований) относительной. Такая временная характеристика представляет собой лишь хронологическую атрибуцию только письменной фиксации лексики.

Так, схема, предложенная В. Зандерсом [7, S. 123–125], в упрощенной форме показывает зависимость исследовательской базы исторических лингвистических исследований от временной удаленности исследуемого периода. Основной тезис, выводимый из его схемы: чем более ранний период рассматривается, тем меньше сохранившихся памятников, т. е. материала для диахронических исследований. Критерием появления слова становится время его первоначальной письменной фиксации, критерием момента заимствования – время, когда оно впервые фиксируется в заимствующем идиоме.

Этимологические исследования призваны проследить диахроническое развитие слов с формальной и содержательной сторон, но не менее важными представляются для них и факты внешней истории. Иногда именно они дают необходимую косвенную информацию о времени заимствования. Освоение объектов материальной культуры, роль исторических событий, языковой авторитет личностей, лингвокультурологические реконструкции могут быть привлечены для косвенной хронологизации заимствованной лексики.

Нижненемецкий «материал» в общенемецком лексиконе обнаруживает свои очевидные особенности. Так, наиболее известная и родственная нем. *Kugel*, *f* лексема *Kogge f 'ког*, (ист.) ганзейское судно' обозначает определенный тип широких, округлых торговых и военных парусных судов с высокими надстройками на носу и на корме, бывший основой морского господства Ганзы в XIII-XV вв. на Балтике и в Северном море. Уже в XIII в. засвидетельствована нижненемецкая лексема, изначально обозначающая подобный корабль для ловли сельди. До XV в. она вытеснила соответствующую верхненемецкую форму – двн. (heri)chohho (фиксируется ок. 1100 г.), свн. *koske*, *kuske*. Таким образом, заимствование произошло в период с XIII по XV вв., но более точной даты получить объективно невозможно.

Данный пример отражает сложности, возникающие при попытке напрямую соотнести заимствование нижненемецкой лексики в общенемецкий язык с конкретными историческими периодами. Часто источники, содержащие этимологические данные, указывают только время первой фиксации в верхненемецких памятниках, реже время фиксации в собственно нижненемецком. Так, исторический словарь Вайганда/Хирта [*W*], как правило, указывает на вокабулярии, словари, реже художественные произведения, в которых впервые встречается слово. Некоторые из них являются нижненемецкими, прочие очевидно верхненемецкими. Появление нижненемецкого слова в верхненемецком источнике представляется лишь косвенным доказательством самого факта заимствования.

Аналогичный прием был использован при хронологической атрибуции некоторой части многочисленных терминов морского дела, как традиционно нижненемецких по происхождению. Но профессиональная лексика отражена в этимологических и исторических словарях лишь в незначительной степени. Помощь в этом случае может оказать словарь морской лексики Фр.Клуге⁴, который представляет собой обширный справочник с взятыми из источников разного времени примерами. Однако и этот словарь исходит хотя и

⁴ Издание вышло после 7-го переиздания его этимологического словаря: Fr.Kluge. *Seemannsprache*. Halle, 1911.

из представительного, но ограниченного набора источников, не претендуя на полную объективность.

Наконец, следует иметь в виду, что речь не может идти о заимствовании лексики из нижненемецкого литературного языка в общенемецкий литературный язык в обыденном понимании. Немецкий общенациональный литературный язык – явление довольно позднее, сформировавшееся в своей нормативной основе к XVII-XVIII вв. Нижненемецкий литературный язык согласно современным исследованиям на всех этапах своего развития – скорее «удобная» абстракция, чем историческая реальность, хотя есть основания считать, например, «любекскую норму» средненижненемецкого своего рода литературной формой [3, с. 24–30]. Можно говорить о письменной фиксации в верхненемецких источниках нижненемецкой лексики из-за ее коммуникативной востребованности (отсутствие лексемы с таким значением в своем языке, ее распространенность, «модное» слово, стилистически маркированная, экспрессивная лексема), или из-за наблюдавшегося в ранней немецкой лексикографии стремления составителя словаря максимально охватить региональные формы (см., например, установку словаря Фриша 1741 г.). Хотя в этом случае вероятность последующего вхождения нижненемецкого регионализма в лексический стандарт также зависит от его необходимости для реализации коммуникативных потребностей в литературном узусе.

Этимологический анализ исследованного в данной статье нижненемецкого лексического материала на основе этимологических словарей Клуге, Пфайффера и этимологического словаря серии Дуден (том 7), а также исторического словаря Вайганда/Хирта и словаря морского дела Фр.Клуге, позволил приблизительно определить время заимствования 775 лексем из представленных в выборке (что составляет 85,8 %). 128 лексем (14,2 %) не имели в указанных словарях данных о хронологии их заимствования. Возможно, причиной этого отчасти является их меньшая распространенность, на что, например, в словаре серии Duden косвенно указывают словарные пометы (landsch.), (ugs.), (nordd.), например: fuddeln (landsch.) 'плохо работать, халтурить', pütschern (nordd., ugs.) 'отвлекаться от работы по пустякам', küseln (nordd.) 'кружиться, завихряться (о ветре)'. Этимологические

словари, не преследуя цель полного охвата лексики общенационального языка, часто не включают в свой корпус лексику, имеющую ограниченное распространение и многие термины.

Атрибуция по времени заимствования следует наиболее распространенному в этимологических словарях немецкого языка способу, т. е. только указанию предполагаемого столетия заимствования. Столь широкие временные рамки не всегда оправданны, поскольку, как отмечалось, время первоначальной письменной фиксации лексем часто известно точно. Если считать, что интеграция в лексическую систему заимствующего идиома представляет собой динамичный долговременный процесс, то эти рамки представляются более соответствующими специфике рассматриваемого явления.

Целесообразно рассмотреть полученные нами результаты хронологической атрибуции нижненемецких заимствований в связи с динамикой условий, в которых протекал рассматриваемый контактный процесс. Поскольку самые ранние заимствования отмечены в XIII в., а самые поздние – в XX в., то изменения в динамике заимствования рассматриваются нами исключительно в этих рамках. Никаких данных о более ранних явлениях трансфера лексики в ходе исследования получено не было, что не исключает их гипотетически. Исходя из специфики контактных процессов возможно выделить три основных периода в заимствовании лексики из нижненемецкого в верхненемецкий.

Первый период охватывает XIII–XV вв., т. е. время от первых условно зафиксированных словарями заимствований до начала активной экспансии языка верхненемецкого типа в нижненемецкий ареал. Граница до конца XV в. условна, поскольку продвижение верхненемецкого в исторический ареал нижненемецкого длится после этого еще около полутора веков. Первый период является временем, когда между нижненемецким и средненемецким как автохтонными идиомами регулярно существуют лишь пограничные контакты. Север Германии, многие города которого были объединены в Ганзейский союз, дистанцируясь политико-экономически от Германской империи, ориентирован на протяжении этого периода на балтийский и североморский регион, хотя

известно, что культура южных немецких земель во многом служила образцом и для северных земель.

Началом *второго* периода на основании существенного изменения параметров контактного взаимодействия представляется целесообразным соотносить с постепенным проникновением языка верхненемецкого типа в официальные сферы общения с XVI в. (язык городских и княжеских канцелярий, школы, церкви). Этот период характеризуется развитием на севере Германии ситуации активной диглоссии, когда языком повседневного, «домашнего» общения оставался локальный вариант нижненемецкого, а официальные сферы коммуникации уже требовали владения активно экспандирующим языком восточнореднемецкого образца (Gemeines Deutsch). В начале этого периода для большинства населения верхненемецкий язык еще был «иностранным», а о коммуникативном барьере свидетельствовал сам М. Лютер в «Застольных речах» (1540-е гг.). У.Кнооп указывает с опорой на высказывания современников, что нижненемецко-верхненемецкий коммуникативный барьер оставался единственным и значительным до XVII-XVIII вв. [6, S. 36]. Постепенно восточнореднемецкий территориальный вариант литературного языка, перераставший в основу общенационального литературного языка, проникал в сферы повседневного общения, все больше вытесняя местные нижненемецкие диалекты и письменный идиом.

К XIX в. намечается приближение общенемецкой языковой ситуации к сложению стандартного языка (Standardsprache). Это знаменуется для представлений об общенемецком национальном языке переходом от идентификации нормы с определенным региональным или социальным узусом к более высокому уровню обогащения и нивелирования возникшего в предшествующие два века благодаря сознательным усилиям «предстандарта» как системы литературного языка (в частности лексической). На рубеже XVIII и XIX вв. можно провести условную границу, знаменующую приобретение немецким языком в полной мере статуса литературного, обладающего релевантными признаками (такими как наддиалектность, полифункциональность, обработанность, стилистическая дифференциация, четкая тенденция к регламентации) [6, с. 20–34].

Характерным для этого начинающегося примерно к XIX в. *третьего* периода становится все большая экспансия письменной нормы в сферу повседневной устной речи на немецком Севере, где традиционно доминирующие позиции занимал диалект и позднее в разной степени диалектно окрашенные региональные варианты литературного языка. Движущей силой такого развития становятся особенно заинтересованные в наличии единой общенациональной нормы языка (в первую очередь в области лексики, где региональные различия традиционно особенно сильны) администрация, школа, наука, литература, публицистика. Кроме того, кодифицированная, признанная в качестве предписывающего образца норма должна была «тормозить» трансфер лексики из локальных и региональных диалектных лексических систем.

Предлагаемая периодизация, несомненно, условна. Она основывается на изменении статуса *воспринимающего языка* по отношению к *исходному языку* в рамках многовековой контактной ситуации, что должно было привести к изменению параметров заимствования. Но при оценке статистических данных должна учитываться и логика упомянутой схемы В. Зандерса: из-за меньшего количества обнаруженных письменных памятников раннего периода, их не всегда однозначной атрибуции свидетельств более раннего времени заимствования отдельных лексем могло не сохраниться.

Результаты статистического анализа выборки по предлагаемой трехчастной схеме выглядят следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1

Заемствование нижненемецкой лексики в различные исторические периоды

1-й период			2-й период			3-й период	
XIII в.	XIV в.	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в.
3	12	42	145	175	248	123	27
0,3 %	1,3 %	4,7 %	16 %	19,4 %	27,5 %	13,6 %	3 %
57 6,3%			568 62,9%			150 16,6%	

Из таблицы видно, что в первый период количество заимствований из нижненемецкого равномерно растет в каждый век

в 3–4 раза. Но с XVI в. темп роста числа заимствований резко замедляется и не превышает на протяжении всего периода 100%. Наконец, в третьем периоде впервые наблюдается сокращение числа заимствованных лексем сразу на 50%, а в XX в. – на 78 %. Таким образом, равномерный и значительный рост числа заимствований до конца XV в. сменяется поначалу замедленным темпом их прироста (однако значительным в абсолютных показателях), а затем происходит резкое снижение динамики заимствования.

На первый взгляд полученные данные подтверждают обоснованность выделения трех периодов заимствования, исходя из описанных условий бытования языкового контакта. Стабильно высокий процент заимствований приходится на период, совпадающий с устойчивой диглоссией на немецком Севере, с одной стороны, и с подъемом языка верхненемецкого типа до ранга общенационального литературного идиома с активно формирующейся по плюрицентрическому принципу нормой – с другой. Сдерживающее влияние нормы ощущается на последнем этапе, когда количество лексем из нижненемецкого падает (впрочем, параллельно с числом говорящих на нем и с сокращением закрепленных за ним коммуникативных сфер).

Привлекает внимание высокий прирост числа заимствований в начальный период, когда языковой контакт, охватывающий довольно широкие массы населения, ограничивается южной пограничной полосой Приморья на стыке со средненемецким ареалом. Вероятно, он отчасти объясняется ростом числа сохранившихся письменных памятников, активизацией экономических и культурных контактов по оси «север – юг». В абсолютных числах общее количество заимствований начального периода не достигает даже половины объема заимствованной лексики только XVI в. В этой связи следует упомянуть в дополнение к названным причинам заметный подъем книгоиздания, ознаменовавший эпоху Реформации, которая оказала огромное влияние не только на религиозные воззрения, но и на языковые предпочтения населения всей Германии [2, с. 112–121]. Языком реформированной церкви в северной Германии стал «язык библии Лютера», который, как известно, сам как уроженец саксонского Айслебена владел и нижненемецким и средненемецким, не раз при-

бегая к использованию нижненемецких слов и оборотов речи в высказываниях и в переводах.

В исследованном нами словарном материале (согласно данным этимологического словаря Фр. Клуге [К]) представлены 15 лексем, введенных М. Лютером в литературный узус из нижненемецкого, что составляет 1,7 % выборки (т. е. столько, сколько за XIII и XIV вв. вместе). К нижненемецким лексемам, ставшим благодаря Лютеру общелитературными, относятся, например: *Lippe f* 'губа' вместо верхненемецкого эквивалента *Lefze f* '(совр.) губа (животных)', *Stoprel f* 'жнивье, стерня; щетина', *Woge f* 'вал, волна', *schüchtern* 'робкий, боязливый'.

С точки зрения выделения тенденций заимствования в зависимости от периодизации интересным представляется тот факт, что в XX в. из 27 обнаруженных заимствованных лексем нижненемецкого происхождения 25 имеют помету об их ограниченном употреблении: по территориальному признаку (*nordd.*), по принадлежности к профессиональной терминосфере (*Seemannsspr.*), по стилистической маркированности (*ugs.*; *ugs.*, *abwertend*). Так, словари фиксируют ограниченное распространение на севере Германии таких единиц, как *Bickbeere f* 'черника', *Bommel f*, *m* 'помпон', *Flarre f* '(разг.) кривой рот'; глаголы *begöschten* 'успокаивать', *kiepen* 'искать (глазами), высматривать, смотреть' и т. д. К разговорной лексике относятся существительные *Gewese n* 'манера держать себя (бросающаяся в глаза)', *Schnulze f* 'сентиментальная песня (рассказ, постановка)', *Steppke m* 'карапуз'; глагол *quasseln* 'болтать', прилагательные *bekloppt* и *doof* со значением 'глупый, тупой'.

Интересно, что словари начала XIX в. И. Аделунга [А] и И. Кампе [С] фиксируют три лексемы из заимствований, известных с XX века. Помета „*im gemeinen Leben*” характеризует две из них как регионализмы, еще не вошедшие в лексический стандарт. Составители этих словарей, наоборот, предписывают воздерживаться от их употребления, тем не менее, они и в настоящее время фиксируются как узуальные. Так, лексема *Bickbeere f* 'черника', являющаяся территориальным дублетом многозначного слова *Heidelbeere f* 'черника, голубика, ягодник' известна с XVI в., но в лексический стандарт она входит, по свидетельству словаря Фр. Клуге [К], лишь

в XX в. Единицы *Hümpel m* 'стопа, куча' и *Back f* '(деревянная) миска', позднее – 'стол для корабельной команды' претерпевают развитие значения (последняя фиксируется у И. Кампе в другом грамматическом роде).

Столь значительная часть заимствований, употребление которых ограничено тем или иным образом, отражает тенденцию современных лексикографических источников к включению такой лексики в корпус словаря наряду с общелитературной. Одновременно можно говорить о практически полном отсутствии заимствований нейтральных в указанных отношениях лексем. Для сравнения отметим, что из 42 лексем, характеризующихся как заимствования XV в., только 2 имеют в словарях соответствующую помету как коллоквиализмы: *Schiemel m* 'головокружение, обморок; хмель' и *blaffen* 'тявкать, лаять'. Лексема *Vönhase m* '(ист.) ремесленник-одиночка (не входящий в цеховую организацию); кустарь-самоучка' распространено на севере Германии. Словарь И. Аделунга, однако, отмечает, что около трети лексем имеет ограниченное Нижней Саксонией распространение, т. е., они получают статус общелитературных уже после XVIII в., например: *Laken n* 'простыня' (ранее в нижненем. «кусоч ткани»).

Интерпретация данных хронологической атрибуции сталкивается с рядом объективных трудностей: различное количество сохранившихся источников, зафиксировавших факт заимствования, относительная доказательность фиксации в этих источниках как свидетельства включения чужой лексики в лексическую систему ассимилирующего языка. Тем не менее, выделение периодов заимствования на основании различия условий трансферта лексики находит оправдание в динамике количества таких единиц. Одновременно учитывается аспект релевантности нижненемецкого заимствования для общения в сложившемся уникальном коммуникативном сообществе, узус которого участвовал в формировании общенационального языка.

Таким образом, степень интенсивности контактных процессов, обуславливающих количество нижненемецких заимствований, отражает значительное влияние внешней истории взаимодействия родственных ниже- и верхненемецкого идиомов. Стабильный прирост числа заимствований в период вытеснения верхненемецким нижненемецкого из официальных сфер общения сменяется резким

подъемом во время целенаправленного отбора общенемецкого лексического фонда с началом нормализации в XIX в. После успешной кодификации «предстандарта» в общенемецких словарях наблюдается сдерживающее влияние нормы на дальнейшее заимствование из регионального (нижненемецкого) словарного фонда с переходом к оформлению и филиации собственно лексической литературной прескриптивной нормы.

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара, 2000.

2. Дубинин С.И. Ранняя печать в Германии 1450–1520-х гг. // Вестник Самарского госуниверситета. Гуманитарная серия. Самара, 2007. № 5/3 (55).

3. Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М., 1997.

4. Тетеревенков А.Е. Этимологические и функциональные характеристики лексики нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном стандарте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.

5. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М., 1992.

6. Кноор U. Beschreibungsprinzipien der neueren Sprachgeschichte: eine kritische Sichtung der sprachwissenschaftlichen, soziologischen, sozialhistorischen und geschichtswissenschaftlichen Begrifflichkeit // Germanistische Linguistik. Hildesheim, New York, Zürich, 1987. № 91/92.

7. Sanders W. Sachsensprache. Hanesprache. Plattdeutsch. Göttingen, 1985.

Источники фактического материала

Adelung J.Chr Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Hochdeutschen, in 4 Theilen. Leipzig: bey J. G. I. Breitkopf und Co. Th. 1. A-E, 1793. 1993 S.; Th. 2. F-L, 1796. 2140 S.; Th. 3. M-S, 1798. 1762 S.; Th. 4. S-Z, 1801. 1796 S. [4]

Campe J.H. Wörterbuch der Deutschen Sprache, in 5 Theilen. Braunschweig: in der Schulbuchhandlung. Th. 1. A-E, 1807. 1023 S.; Th. 2. F-K, 1808. – 1116 S.; Th. 3. L-R, 1809. 908 S.; Th. 4. S-T, 1810. 940 S.; Th. 5. U-Z, 1811. 977 S. [**C**]

DUDEN Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bd. 7. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 839 S. [**D**]

DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996. – 1816 S. [**DI**]

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Aufl. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1989. – 822 S. [**K**]

Pfeiffer W. u.a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, in 3 Bänden. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 1. A-G. 621 S.; Bd.2. M-P. 1345 S.; Bd. 3. R-Z. 2093 S. [**P**]

Weigand, Fr.L.K. Deutsches Wörterbuch / Hrsg. von H.Hirt. 2.Bdd. Gießen: A.Töpelmann. – Bd. 1. A bis K. 1909. Sp. 1-1184. Bd. 2. L bis Z. – 1910. – Sp. 1-1362. [**W**]